

Теории и исследования

Проблемы развития и бытия личности

Валерия Мухина, Андрей Хвостов

ОТЧУЖДЕНИЕ ОТ ДРУГИХ: ОТ ЯРОСТИ И ЦИНИЗМА ДО ХАМСТВА

Аннотация. Анализируется феномен отчуждения в его негативных проявлениях: ярости, цинизма и хамства. Показано, что произволения человека могут быть причиной поступков и проступков. Рассматривается категория людей, которые тяготеют к отчуждению, проявляющемуся в нарушении закона. Показано, что убийца отнимает у своей жертвы возможность к свободному осуществлению замыслов. Рассматриваются: тенденции «одичания» среди цивилизации; типология эмоциональной сферы преступника; личностный распад; помыслы в сердце человека как глубокие воды; стремление человека к духовным высотам и к адской пропасти; насильственные преступления и фиксированные идеи. Утверждаются идеи о том, что возможность постепенного обновления сущности человека весьма иллюзорна. Показано, что цинизм и хамство – результат всей истории человеческого рода.

Ключевые слова: отчуждение в его негативном проявлении; ярость; цинизм; хамство; убийство как крайняя форма отчуждения; абсолютное отчуждение преступника; злая воля насилия; застывший стресс (аффект); внутренняя позиция человека; чувство личности; распад личности; рефлексия; помыслы, поступки и проступки; фиксированные идеи квази человек.

Abstract. The phenomenon of alienation in its negative manifestations through anger, cynicism and vulgarity is analyzed in the article. It is shown that human volition may be the cause of deeds and misdeeds. People who have a propensity for alienation that manifests itself in violation of the law are examined. It is shown that a killer deprives his victim of possibility to realize

his/her plans freely. Tendencies towards civilization's atrocity, typology of criminal's emotional sphere, person's decay, aspiration for spiritual values and infernal abyss, violent crimes and fixed ideas are discussed. Person's intentions are presented as "deep waters". The ideas that the possibility of a gradual upgrading of human nature is rather illusory are approved. Cynicism and rudeness are shown to be the result of humankind's history.

Keywords: *alienation in its negative manifestations, rage, cynicism, rudeness, murder as an extreme form of alienation, the absolute exclusion of the criminal, the evil will of violence; frozen or frozen stress affect, internal position of a person, a sense of identity, personality disintegration, reflection, low level of reflection, thoughts, deeds and misdeeds, fixed ideas of quasi men.*

*Проклят гнев их, ибо жесток,
и ярость их, ибо свирепа...*

[Быт. 49:7]

... И ярость его загорелась в нем.

[Есф. 1:13]

*Многие люди держатся того взгляда,
что человеческий род никогда не будет
счастливым...*

Платон

1. Состояние сумеречного сознания в ситуациях крайнего отчуждения

Состояние
психической жизни
индивида

«Сознание – состояние сознающего что» – так определял это понятие Вл. Даль более чем сто лет тому назад [1, с.261].

Сознание в понимании современной философии – это «состояние психической жизни индивида, выражающееся в субъективной переживаемости событий внешнего мира и жизни самого индивида, в отчете об этих событиях» [2, с. 589]. Сознание – одно из центральных понятий философии и психологии. В истории философии и науки было сформулировано несколько подходов к пониманию сущности природы сознания.

Наиболее принятое в философии и психологии понимание сознания связано с истолкованием его как самосознания, как саморефлексии человека на собственные помыслы и поступки, на свои мотивы и цели. Подобное понимание нередко сочеталось с его интерпретацией сознания посредством знания.

Сознание как
специфическая
реальность
внутреннего мира
человека

Сознание может рассматриваться как специфическая реальность, как особый внутренний мир. Способом познания сознания является самовосприятие (интро-

спекция)*. В истории философии сознание иногда рассматривалось как синоним совокупностей идей – индивидуальных или коллективных.

Само понятие «сознание» в развернутом виде еще не использовалось древними философами Греции. И хотя в предметном указателе Никомаховой этики Аристотеля имеет место понятие «сознание», в самом тексте этого произведения это понятие в своем сущностном значении отсутствует [3, с. 817]. Аристотель вслед за Платоном много рассуждал о *созерцании* и *умозрении* [3, с. 71], что безусловно представляет сущностную часть мышления, которое может лежать в основе сознания. При этом Аристотель писал о добродетелях как о *сознательном выборе человека* [3, с. 62; 84; 113]. Обсуждая сущность сознательного выбора, он писал, что выбор невозможен помимо ума и мысли поскольку выбор сопряжен с рассуждением и размышлением. У Аристотеля сознательный выбор сопряжен с целью [3, с. 113]. У истоков целей могут быть разные мотивы.

У мыслителей прошлого нередко понимание сознания связывалось с истолкованием его как самосознания или как знания. Классическое понимание сознания как самосознания можно найти у Дж. Локка – английского философа, жившего в XVII в. Философ трактовал самосознание как рефлексию, то есть как наблюдение ума за своей собственной деятельностью. Он писал: «У людей не так уж много заблуждений и неверных мнений» [4, с. 199], но в понимании Дж. Локка у многих людей нет своего мнения относительно многих явлений.

Сознание как
внутреннее чувство

К сознанию и самосознанию как феноменам, присутствующим человеку, философия более концентрированно обратилась значительно позже. Так, И. Кант объяснял сознание через внутреннее чувство, настаивая на том, что «внутреннее чувство представляет сознание... так, как мы себе являемся, а не как мы существуем сами по себе, потому что мы созерцаем себя самих лишь так, как *внутренне подвергаемся воздействию...*» [5, с. 140–141]. Далее И. Кант рассуждал: «Внутреннее чувство определяется рассудком и его первоначальной способностью связывать многообразное [содержание] созерцания, то есть подводить его под апперцепцию»**

* *Интроспекция* [лат. introspectare – смотреть внутрь] – психологическое самонаблюдение; изучение психических процессов (сознания, мышления) самим переживающим эти процессы.

** *Апперцепция* [лат. perceptio – восприятие]. В философии И. Канта *трансцендентальная апперцепция* – изначальное единство сознания познающего субъекта, обусловленного единством опыта.

(на которой основывается сама возможность рассудка). Однако у нас, людей, сам рассудок не есть совокупность созерцания и, даже если созерцания были даны в чувственности, рассудок не способен принимать их *в себя*, чтобы, так сказать, связать многообразное [содержание] его *собственного* созерцания; поэтому синтез рассудка, рассматриваемый сам по себе, есть не что иное, как единство действия, сознаваемое рассудком как таковое...» [5, с. 141].

Произволени
человека могут быть
причиной поступков

И. Кант полагал, что разум может иметь причинность в отношении явлений. Отсюда «поступок, поскольку он должен быть приписан образу мышления как своей причине, тем не менее вовсе из него *не следует* по эмпирическим законам, то есть ему *предшествуют* не условия чистого разума, а лишь результат этих условий в явлении внутреннего чувства»* [5, с. 421]. Исходя из понимания феномена внутреннего чувства, И. Кант пришел к пониманию произволеней человека, которые могут быть причиной всех его поступков. При этом философ полагал, что «ни один поступок не может начаться самопроизвольно» [5А, с. 422], однако в самом разуме, «в отношении его причинности нет никакой временной последовательности» [5, с. 422].

Моральный закон
предлагает нам себя

И. Кант рассматривал также «самосознание чистого практического разума» и его связь с «положительным понятием свободы» [5, с. 407]. Философ полагал, что наше самопознание не может начинаться со свободы: «мы не можем ни непосредственно сознавать ее..., ни заключать к ней от опыта <...> Следовательно, именно *моральный закон*, который мы сознаем непосредственно, ... предлагает себя нам *прежде всего*, и так как разум показывает его как определяющее основание, не преодолеваемое никакими чувственными условиями и даже совершенно независимое от них, то он прямо ведет к понятию свободы» [5А, с. 407].

И. Кант размышлял о том, что «нравственность сначала раскрывает нам понятие свободы и, стало быть, *практический разум* сначала ставит спекулятивному разуму самую неразрешимую проблему, связанную с этим понятием, дабы из-за этого понятия привести его в величайшее замешательство...» [5А, с. 407–408]. Опыт подтверждает порядок понятий в нас. И. Кант писал: «Предположим,

* «*Внутреннее чувство*», согласно И. Канту, это существование вещей вне нас – от них мы получаем весь материал знания для нашего внутреннего чувства [5, с. 36]; это «то, что находится во мне, то есть моё *представление* о внешних вещах» [5, с. 37], «эмпирическое сознание моего опыта» [5, с. 37] и др.

что кто-то утверждает о своей сладострастной склонности, будто она, если этому человеку встречается любимый предмет и подходящий случай для этого, совершенно непреодолима для него; но если бы поставить виселицу перед домом, где ему представляется этот случай, чтобы тотчас же повесить его после удовлетворения его похоти, разве он и тогда не преодолел бы своей склонности? Сделал ли бы он это или нет, – этого он, быть может, сам не осмелился бы утверждать; но он должен согласиться, не раздумывая, что это для него возможно. Следовательно, он судит о том, что он может сделать нечто, именно потому, что он сознает, что он должен это сделать; и он признает в себе свободу, которая иначе, без морального закона, осталась бы для него неизвестной» [5А, с. 408]. И. Кант через свои суждения в конце пришел к выводу о том, что чистый разум сам по себе есть практический разум и он дает людям всеобщий закон, который он назвал *нравственным законом*. Самосознание, – согласно И. Канту, – является проекцией объективного опыта. С этим постулатом нельзя не согласиться.

Сознание сопряжено с рефлексией

Г. В. Ф. Гегель рассматривал сознание как ступень рефлексии. Философ рассуждал: «"Я" есть бесконечное отношение духа к себе, но как *субъективное*, как *достоверность самого себя...*» [6, с. 164]. Согласно Г. В. Ф. Гегелю, «"я" должно быть понято как индивидуально определенное, в своей определенности и в своем различии только к себе самому относящееся всеобщее» [6, с. 218]. Сознание рассматривалось философом как ступень рефлексии, как ступень развития души, как изнутри действующая сила, которая способна осуществлять себя в наличном бытии души, в ее телесности и в себе самой: «так что теперь наша самость, или "я" в своем другом *созерцает самое себя* и есть *это самосозерцание*» [6, с. 218].

Проблема состояния самосознания

Г. В. Ф. Гегель исходил из того, что «*жизнь* столь же существенна, как и *свобода*». Он полагал, что «борьба заканчивается как *одностороннее* отрицание прежде всего тем неравенством, что один из борющихся предпочитает жизнь, сохраняя себя как единичное самосознание, но отказывается при этом от требования признания себя другим, другой же, напротив, крепко держится за свое отношение к самому себе и признается первым из борющихся, который теперь подчинен ему, – *отношение господства и рабства*» [6, с. 244]. Здесь философ перешел к обсуждению *насилия* и проблемы *состояния самосознания*, погруженного в вожделение и в состояние всеобщего самосознания.

Акты придания значения для развития самосознания

В свою очередь следует обратиться к исследованиям феноменологии познания Э. Гуссерля и его анализу интенциональных переживаний. Э. Гуссерль рассматривал сознание как феноменологический состав Я и как внутреннее восприятие. Философ придавал особое внимание *актам придания значений* [7, с. 320]. Он полагал, что интенции значений могут вступать в определенное отношение с созерцанием. Согласно Э. Гуссерлю, «чистое сознание» выражается в виде трансцендентальной рефлексии, направленной на само сознание. Сознание рассматривалось им в единстве переживаний Я и в отношении осознанности всего происходящего с человеком.

Безусловно, следует отметить важность актов придания значений для развития самосознания каждого отдельного человека.

Два основных способа существования человека

Для нашего труда также значимы идеи С. Л. Рубинштейна о человеке как субъекте жизни. Ученый весьма убедительно анализировал *два основных способа существования человека* и, соответственно, два отношения к жизни.

Согласно С. Л. Рубинштейну, первый способ – это жизнь, не выходящая за пределы непосредственных связей, в которых живет человек: «Здесь человек весь внутри жизни, всякое его отношение – это отношение к отдельным явлениям, но не к жизни в целом. Отсутствие такого отношения к жизни в целом связано с тем, что человек не выключается из жизни, не может занять мысленно позицию вне ее для рефлексии над ней» [8, с. 347–348].

При первом способе человек не имеет возможности занять мысленную позицию вне жизни

Согласно С. Л. Рубинштейну, такая жизнь выступает почти как природный процесс – очевидна непосредственность человека, живущего такой жизнью. Здесь можно возразить: любой способ существования человека как субъекта жизни предполагает безусловно присущие ему способности к рефлексии по поводу происходящего в сфере непосредственных связей. Однако С. Л. Рубинштейн, безусловно, прав: человек, психологически и сущностно включенный в непосредственные связи общественной жизни, не имеет (и не может подчас иметь) возможности занять мысленную позицию вне этой жизни.

Пути построения человеческой жизни при втором способе

Второй способ существования человека, согласно С. Л. Рубинштейну, связан с появлением рефлексии. Здесь кончается первый способ существования и начинается либо путь к душевной опустошенности, цинизму, моральному разложению, либо «другой путь – к построению нравственной человеческой жизни на новой, созна-

Амбивалентные
результаты выбора
пути в жизни

Во всеобщую
детерминацию
бытия включается
человек как
осознающее мир
существо

Есть категория
людей, которая
тяготеет
к нарушению закона

Уровни сознания
человека

тельной основе. С появлением рефлексии связано философское осмысление жизни» [8, с. 347–348]. Сознание в этом случае выступает как разрыв, как выход из полной поглощенности непосредственным процессом жизни. Рефлексия выступает как внутренние условия, которые определяют отношения человека к жизни.

Идеи С. Л. Рубинштейна относительно рефлексий человека и амбивалентных результатов выбора пути в жизни, безусловно, продуктивны. Ученый ввел понятие «*дух серьезности*», то есть ответственное отношение к жизни, которое есть реалистическое отношение к жизни.

Дух серьезности, – согласно С. Л. Рубинштейну, – связан прежде всего с отношением к бытию и небытию, к жизни и смерти [8, с. 351]. Нельзя не согласиться с С. Л. Рубинштейном, когда он писал о неоднозначности жизни и ее сущностных особенностях: «Говорить, что жизнь прекрасна, утверждая этим, будто все в ней хорошо и прекрасно, – это жалкая фальшь; говорить, что жизнь отвратительна, ужасна, как будто перечеркивая этим все прекрасное, чем она богата, – это ложь, свидетельствующая о собственном банкротстве. Жизнь могуча, бесконечно разнообразна и чревата всем добрым и злым. И у человека в конечном счете одно дело в жизни: самому вносить в нее, сколько только может он красоты и добра.

Исходная специфика человека, человеческого существования заканчивается в том, что во всеобщую детерминацию бытия включается не сознание само по себе, а человек как осознающее мир существо, субъект не только сознания, но и действия» [8, с. 354]. Далее С. Л. Рубинштейн размышлял о специфике отношения человека к человеку. Он писал о том, что почти всякое человеческое действие есть поступок по отношению к другому человеку, выражающее отношение к нему [8, с. 362].

Люди могут поступать так или иначе, потому что так делают другие, или потому, что так хочется, или потому, что так велит нравственное чувство. При этом есть категория людей, которая, зная о нормах поведения, легко нарушает законы, существующие в обществе. Это может быть результатом влияния социальных условий, внутри которых развивалось их сознание и самосознание. Это может быть в совокупности с социальными условиями привычного бытования и сформировавшейся у человека внутренней позицией по отношению к себе в мире и к миру людей в целом.

Мы, как авторы этой работы, соглашаемся с мнением Хр. Яннараса, который полагал, что личностное

существование человека отличают от всех прочих форм существования два момента: *самосознание* и *инаковость*. Хр. Яннарас писал: «Самосознанием мы называем знание нашего присутствия в мире, уверенность в том, что я есть и должен быть, что я представляю собой особое бытие, обладающее особым характером, отличающим меня от всего существующего вне меня. Это отличие и составляет мою абсолютную инаковость, определяет мое существование как нечто единственное в своем роде, неповторимое и ни с чем не сравнимое...

Однако самосознание, ощущение своего “я”, своей инаковости не является всего лишь порождением ума, результатом той деятельности мозга, которую мы называем “интеллектом”. Сознание есть нечто гораздо большее, чем простая уверенность. Оно таит в себе такие слои, как подсознание, бессознательное, “я”, “сверх-я”. Другими словами, *существуют разные уровни сознания*, выявляемые и исследуемые современной психологией. Всеми доступными ей способами наука пытается определить этот ускользающий от определения предмет, который мы зовем человеком, – определить, что есть человек помимо телесных функций, биохимических реакций, процессов возбуждения и торможения и прочих легко объективируемых моментов» [9, с. 65–66].

Невозможность
исчерпать глубину
человеческой
уникальности

Мы полагаем, что никакая внешняя информация не в состоянии выразить в полной мере неповторимое своеобразие другого человека, дать нам определенное знание его «инаковости». Реально действительно невозможно исчерпать глубину человеческой уникальности: тщательные описания особенностей человека, его темперамента, характера, сложных ассоциаций и мотивов его поведения будут повторять особенности большого количества людей. Безусловно: в принципе невозможно исчерпать глубину человеческой уникальности.

Амбивалентный
потенциал
направлений
развития
личностных качеств
человека

Нельзя не согласиться с В. С. Мухиной, которая указывала на то, что понятие «личность» включает в себя не только некие значимые для человечества высшие духовные свойства, но помыслы и мечты об этих свойствах.

Человек идет к пониманию необходимости возвращать в себе то высшее духовное начало, которое поднимет его над более простой, естественной природой [10, с. 32]. В то же время другой человек предпочитает для себя путь асоциальной позиции по отношению к окружающим. *Этот другой человек – тоже продукт исторического развития человечества. Наши пороки – это*

результат развития нашего исторического опыта. Исторически складывающиеся условия представляют амбивалентный потенциал направлений развития личностных качеств человека. Мы исповедуем весьма значимую для понимания феномена человека идею: *нельзя игнорировать историю развития всего диапазона человеческих качеств* (как позитивных, так и негативных).

Самосознание и инаковость асоциальных представителей рода человеческого отличаются от самосознания и инаковости позитивно ориентированных человек. Асоциально ориентированные субъекты чаще склонны обесценивать других людей, признавая их недостойными внимания и уважения. Они нередко являются гневливыми криминальными личностями. Они аморальны по своему психотипу, необузданны и яростны [11, с. 63]. Необузданный человек всегда крайне несдержан, не знает границ в проявлении своих порывов, страстей, всегда неукротим. Яростный – всегда полон гнева, всегда неукротим и неистов.

Синкритичность
социальных
этических
ориентиров

А. А. Хвостов специально исследовал феномен человеческого аморализма в контексте изучения морального сознания личности. Он делал *акцент на синкритичности социальных этических ориентиров*, порождающих полярно противоположные состояния личности. Антипод моральных ценностей – аморализм; он имеет непростую структуру и подчинен своим собственным тенденциям самопознания, существования и проявлений. Аморализм предполагает множество вариантов противостояний моральным ценностям [12, с. 28 – 36]. Качеств человеческого аморализма такое же множество, как и качеств человеческих достоинств.

Криминальная среда создает свои условия развития психологии преступной личности или личности, склонной к отчуждению от других людей, во всем диапазоне негативных проявлений этого отчуждения.

Негативные стороны
отчуждения
человека от других

Сверхзадача совместного труда авторов – описание феноменов состояний самосознания, погруженных в прилоги, помыслы и проступки, связанные с негативной позицией человека по отношению к другому человеку. Следуя за идеями Г. В. Ф. Гегеля об актах придания значений, авторы будут рассматривать негативные стороны отчуждения человека от других людей, начиная от прилогов и помыслов до реальных проступков и преступлений*.

* О прилогах, помыслах и проступках см.: Мухина В. С., Хвостов А. А. Отчуждение от себя: О саморазрушающих страстях человеческих. – М., 2011.

Личность в человеке проявляется в значимых для него проблемных ситуациях

Мы будем исходить из того безусловного факта, что личность в человеке проявляется не во всякое время его обыденной жизни, а прежде всего в значимых для него проблемных ситуациях. В те времена, когда политики только начали говорить о новом мышлении, В. С. Мухина писала о том, что собой *может представлять личность*: «Личность в человеке проявляется не во всякое время его жизни. Человек не проявляет себя в качестве личности не только тогда, когда он тяжело болен, в бреду и без сознания (это несчастное, страдающее создание), но и когда он действует по сложившемуся бытовому стереотипу. *Человек предстает перед другим и перед самим собой как личность, когда он включен в ситуацию, в которой он должен активно и свободно отстоять свою позицию.* Именно активное, свободное индивидуальное бытие человека творит и изменяет обстоятельства, других людей и самую личность. В другие моменты жизни человек может и не проявлять себя как личность. Но именно бытие во времени представляет человека как личность или как безличность. Так как личность несет в себе общественные отношения в своем индивидуальном преломлении, то это значит, что каждый человек может подняться на уровень второго рождения личности. *Нет стабильного периода жизни человека, когда он поднялся на уровень личности; и дальше быть личностью – это его завоевание.* Личностное в человеке – это постоянная озабоченность проблемами человечества, постоянная обращенность на себя с точки зрения требований личности: “Кто я?”, “Что должен успеть сделать в жизни для себя, для других, для человечества?” Мнение о стабильном бытии личности в индивидуе неверно: оно по сути своей невозможно.

Человек тогда личность, когда занимает активную и социально позитивную позицию

Человек тогда личность, когда занимает *активную и социально позитивную позицию*. Следует различать социальную активность в двух ее полярных измерениях: позитивную социальную активность и негативную социальную активность. Традиционно советская психология обсуждала социальную активность как сознательную направленность на изменения обстоятельств, других людей и самого индивида для пользы общества, как ответственность за обстоятельства. Именно в такой форме появляется позитивная активность. Однако в человеческом обществе формируются также и отчужденные от человечества вообще и от любого человека социально опасные личности, которые тоже творят и изменяют обстоятельства, обладают рефлексией, действуют сознательно, предвосхищая результаты своих действий, но по своей направленности они асоциальны,

лишены чувства ответственности за людей. Асоциальные формы воздействия на общество следует отнести к негативной социальной активности.

Позитивная активность личности выражает ожидания от каждого человека проявлений, достойных самой личности, и тем самым поднимает каждого в его собственных глазах, утверждая его в возможности проявлять свою свободу, индивидуальность. Негативная активность выражает направленность на уничтожение индивидуального бытия в другом, на превращение другого в ничто.

Человек как асоциальная безличность

Особенно остро встает *вопрос о негативной социальной активности* в настоящее время. Человек, взявший на себя роль разрушителя мира, не может считаться личностью: он уничтожает бытие общественных отношений человечества, он опасная, асоциальная безличность*.

Позитивная социальная активность – не только необходимое условие участия личности в жизни современного общества, она должна стать насущной потребностью личности. Двадцать первый век требует расширенного развития сознания личности человека, которое включает потребность и понимание значимости трех глобальных условий для жизни и развития человеческого общества на Земле: мир, труд, охрана окружающей среды. Состоявшаяся личность – в постоянстве установок на ценностные ориентации, органически сочетающие не только «независимость», но и понимание необходимой зависимости. Отдельно взятый индивид не может подняться сам по себе, вне общения с другими, до уровня личности» [13, с. 117–119].

Социальные установки и социальный престиж

Прошли годы с тех пор, когда общество, как замороженное, вело речь о новом мышлении. Человеческое мышление во все времена продвигается к решению новых проблем. В известной мере мышление на каждом этапе истории тяготеет к новым решениям. Однако реально люди подчас в своем мышлении топчутся на месте или возвращаются к прежним способам мышления, отнюдь не самым эффективным.

Обычно люди склонны иметь *постоянство сложившихся ценностных ориентаций*, определяющих их *социальные установки и социальный престиж*. Эти установки и социальный престиж могут быть ориентированы как на одобряемые обществом ожидания и ценности, так и на асоциальные ценности.

* *Безличность* – понятие, введенное еще Ф. М. Достоевским. [См.: Дневник писателя. 1873// Полн. собр. соч.: В 30-и т. – Т.21. – Л., 1980. – С. 16.

В этой связи следует вспомнить о том, что социально-психологические механизмы развития и бытия личности – идентификация и обособление – имеют сложную обусловленность. Этим объясняется то, что *человек может развиваться и проявлять себя в следующих трех направлениях.*

1 – В направлении постоянной, ярко выраженной готовности к идентификации с другим человеком. Здесь речь может идти о *сгущении идентификации* (В.С. Мухина) как крайнем проявлении отождествления.

2 – В направлении постоянной, ярко выраженной готовности к отчуждению от другого человека. Здесь речь может идти о *сгущении отчуждения* (В.С. Мухина) как крайнем проявлении обособления.

3 – В направлении *гармонизации взаимодействия пары идентификация-обособление* в соответствии с внутренними потребностями личности и социальной необходимостью.

Развитие личности через механизм идентификации-обособления – сложный неоднозначный процесс [10, с. 446].

Идентификация
человека с другим

Природа человека двойственна, что проявляется прежде всего во взаимодействии людей друг с другом. Человек «подобит» все вокруг себя: он прежде всего идентифицируется с другим человеком из своей среды, с другим из любой другой культуры. Человек может спонтанно или сознательно отчуждаться от другого человека (представителя другого этноса или своего ближайшего окружения).

Отчуждение
человека от другого

Отчуждение от другого может стать *привычным потоком сложившихся форм поведения в состоянии сумеречного сознания.* О сумерках самосознания можно реально говорить, когда человек плохо рефлексирован на себя и других, когда человек исходит из сложившихся стереотипов отчужденного реагирования на каждого противостоящего ему даже не по сущностной позиции, а по телесному расположению в пространственной соотнесенности. Состояние сознания в этом случае действительно можно считать сумеречным. В русском языке понятие «сумерки» означает полусвет – ни свет, ни тьма.

В контексте проблемы отчуждения человека от других мы будем изучать определенную категорию людей, которая по существу придает особое значение проявлениям, выходящим за пределы нормативных ожиданий общества. Мы будем обсуждать *проявления крайней степени отчуждения.*

2. От ярости и цинизма до хамства

Отчуждение –
делание кого-то
чуждым

Отчуждение и обособление – понятия, которые имеют общие значения и смыслы; они обозначают прекращение или полное отсутствие близости между кем-либо; они обозначают физическое и психическое действие, отделяющее одного человека от другого человека или от других людей.

Отчуждение, как и обособление, означает также выделение из общего отдельного целого.

В русском языке *отчуждение* – делание кого-то чуждым, чужим. Отчуждать – отстранять, устранять. В толковом словаре живого великорусского языка Вл. Даля представлено еще одно замечательное слово – *очуждать*. Очуждать также означает отчуждать, делать чужим, чуждым. Кроме того, в русском языке живы такие слова, как *отстранение* и *остракизм*. Отстранение – отклонение, избегание какого-либо соприкосновения с кем-либо. Остракизм – акт изгнания, гонения. Есть и другие, сопряженные с названными, понятия [11], но здесь нет необходимости их перечислять.

Слова *отчуждать* и *отчуждение* встречаются и в Библии, когда речь идет об отчуждении людей друг от друга [Кол. 1:21], об отчуждении общества [Еф. 2:12] и об отчуждении от жизни Божией [Еф. 4:18]. Пророк Авдий говорил об *отчуждении как о гордости сердца*, которая обольщает человека: «Не следовало бы тебе злорадно смотреть на день брата твоего, на день отчуждения его; не следовало бы радоваться о сынах Иуды в день гибели их и расширять рот в день бедствия» [Авд. 1:12].

Отчуждение и
обособление –
исконные слова
русского языка

Отчуждение и обособление – исконные слова русского языка. В большинстве случаев в обыденной речи эти слова обозначают прекращение близких отношений.

Отчуждение между людьми мы можем наблюдать повсеместно. Поводом для отчуждения могут оказаться притязания на признание, зависть, тщеславие, гордыня и другие страсти человеческие.

Отчуждение может проявлять себя на бессознательном уровне, на уровне автоматизма. Такого рода отчуждение можно наблюдать как в любом сообществе стадных (стайных) животных, так и в сообществе людей [10, с. 409–414, 470–472].

Мы все потомки
Каина

Примером страшнейшего, ужаснейшего отчуждения является библейская история Книги Ветхого Завета, история Каина и Авеля – детей Адама и Евы.

Каин и Авель – кровные братья. Согласно библейскому тексту, «Каин принес от плодов земли дар Госпо-

ду, и Авель также принес от первородных стада своего и от тука их. И презрел Господь на Авеля и на дар его, а на Каина и на дар его не призрел» [Быт. 4:4 – 5]. Каин сильно огорчился, вознегодовал на брата своего. И убил его. Господь наказал Каина отчуждением от него земли: «Когда ты будешь возделывать землю, она не будет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле» [Быт. 4:12]. Каин стал первым человекоубийцей [Мф. 23:35; Ин. 3:12; Евр. 11:4 и др.]. Каин – отчужденный убийца. Господь сделал Каину «знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его» [Быт. 4:15].

Мы все потомки Каина...

Ярость – одна из форм отчуждения

Одна из форм отчуждения – *ярость*. Платон рассуждал о том, что взрослые иной раз потихоньку говорят детям (якобы из сочувствия), когда видят, что их отец не возбуждает дела против своего должника или иного обидчика, примерно следующее: «Вот вырастешь большой, непременно отомсти им за это и будешь тогда настоящим мужчиной, не то что твой отец» [14, с. 334]. Да и вне дома юноша слышит и видит многообразные проявления людей. Юноша прислушивается к тому, что говорит его отец. В нем развивается и крепнет разумное начало души, а под влиянием остальных людей – склонности к соперничеству и ярости начинают прорастать в нем: «он становится человеком честолюбивым и стремится выдвинуться» [14, с. 335]. Платон писал о яростном начале нашей души. Человек может яриться «либо из зависти – вследствие честолюбия, либо прибегает к насилию из-за соперничества, либо впадает в гнев из-за своего тяжелого нрава, когда бессмысленно и неразумно преследует лишь одно: насытиться почестями, победой, яростью» [14, с. 381].

Ярость духа

Платон обсуждал также ярость духа [14, с. 208]. Рассуждая о сходстве природы как женщин, так и мужчин, он указывал на разные склонности женщин: «А разве иная женщина не имеет способностей к гимнастике и военному делу, тогда как другая совсем не воинственна и не любит гимнастических упражнений?... И одна склонна к философии, другая ее ненавидит? Одной свойственна ярость духа, а другая невозмутима?» [14, с. 230].

Платон указывал на условия жизни, которые могут определить формирование способов взаимодействия с другими. Он писал: «А между тем грубость могла бы способствовать природной ярости духа и при правильном воспитании обратилась бы в мужество; но, конеч-

«Любой должен уметь сочетать яростный дух с величайшей кротостью»

но, чрезмерная грубость становится тяжелой и невыносимой» [14, с. 179].

Платон полагал, что «...любой должен уметь сочетать яростный дух с величайшей кротостью. Есть только одно средство избежать тяжких, трудно исцелимых и даже вовсе неисцелимых несправедливостей со стороны других людей – это бороться с ними, отражать, побеждать и неуклонно карать их. Никакая душа не может этого совершить без благородной ярости духа» [15, с. 183]. Философ неустанно обращался к проблемам сознания и поступков людей в обществе, когда человек занимает позицию несправедливого давления на других. Он полагал, что в самой природе души может присутствовать яростный дух: это неодолимое свойство способно внедриться в душу [15, с. 318]. При этом «тираническое господство в душе ярости, страха, удовольствия, страдания, зависти и страстей» следует считать несправедливостью [15, с. 319].

Убийство – крайняя степень отчуждения

Крайняя форма отчуждения – убийство, физическое уничтожение. Убить кого, убить насмерть, зашибить или ударить до смерти, лишить жизни.

Еще Платон разделял убийства на *невольные* и *намеренные*. Убийство всегда отчуждение от другого. Но невольное убийство может быть оправдано.

Платон о невольных убийствах

Невольные убийства могут произойти из-за случайности. Так, древние греки, готовя войско государства, отважно вступали в тяжкий учебный бой. Платон повествовал об условиях учебного боя: «По всей стране граждане должны... вступать друг с другом в борьбу, борясь за захват каких-нибудь мест, устраивая засады и вообще подражая военным действиям» [15, с. 283]. Эти ситуации не просто безопасная взаимная забава, но здесь присутствует реальная опасность и реальный страх. Здесь обнаруживается у кого есть присутствие духа, а у кого нет. Согласно Платону: «Первым оказывается почет, вторые же предаются бесчестью. Таким образом, государство, пока оно существует, все время должным образом подготавливается к настоящему бою. Если при этом кто-нибудь даже лишится жизни, то поскольку убийство *произошло невольно* (курсив авторов), руки убийцы считаются чистыми, после того как он по закону совершит очищение» [15, с. 283].

Платон писал: «Если кто на состязании или на государственных играх невольно убьет человека, с которым находится в дружеских отношениях, – все равно, последует ли смерть сразу или потом из-за нанесенных уда-

ров, – или если кто убьет точно так же на войне либо при воинских упражнениях, когда военные действия производятся либо с применением оружия, либо без него, – то человек должен очиститься согласно полученному на этот случай из Дельф закону, а затем он считается уже чистым» [15, с. 320]. Человек, невольно убивший другого человека, должен был выдержать срок отлучения, после чего он прощался.

Платон о
насильственных
убийствах

О насильственных убийствах Платон размышлял с особой тщательностью. Он полагал, что сильный гнев – *ярость* толкает человека на убийство. Он указывал на убийства намеренные и анализировал их причины. Он выделял убийства раба, детей, родителей, родственников, свободнорожденно гражданина, чужеземца, вора, грабителя, насильника, гражданина рабом и др. При этом Платон подробно обсуждал состояния, при которых человек совершал свои расправы над другим человеком. Он писал: «Если кто собственноручно убьет свободнорожденного, причем это будет сделано в ярости, здесь надо различать два случая, а именно: совершен ли поступок в состоянии ярости, так, что человеку причиняют смерть ударами или чем-то другим подобным внезапно и не непреднамеренно, под влиянием мгновенного порыва, а затем тотчас же возникает раскаяние в совершенном поступке. Точно так же под влиянием ярости действуют и в том случае, когда замышляют отомстить за нанесенную раньше словами или бесчестными делами обиду и потом с намерением убить действительно убивают обидчика; в этом случае не возникает раскаяния в совершенном поступке» [15, с. 322].

Убийства
умышленные и
неумышленные

Платон постоянно настаивал на том, что *надо различать два вида убийства*, которые совершаются под влиянием ярости: ведь тот, кто подавляет ярость, не действуя сразу, но намеренно откладывает свое мщение на будущее, такой человек готовится к умышленному убийству. Согласно Платону, убийства должны различаться на умышленные и неумышленные.

Платон весьма тщательно изучал человеческие страсти и особенно те эмоциональные состояния, когда человек лишает жизни другого человека. По существу, речь всегда шла о крайних проявлениях отчуждения человека от человека, когда убийца лишал жизни свою жертву, когда он лишал человека права жить и действовать, когда он совершал насилие над свободой другого человека.

Сущность свободы
человека – власть
над жизнью

Платоновская школа наряду с определением многих значимых понятий презентующих человека в его, сильных личностных качествах, сформулировала поня-

тие свобода. Согласно мыслителям древней Греции: «Свобода – власть над жизнью; независимость во всем; возможность жить по-своему; щедрость в использовании имущества и владении им» [16, с. 617]. Свобода человека состоит в праве и во внутренней необходимости быть добродетельным, разумным, справедливым, рассудительным, беспечальным, трудолюбивым, совестливым, бескорыстным, пронизательным, порядочным, великодушным, человеколюбивым и прочее.

Убийца отнимает у своей жертвы возможность к свободному осуществлению своих замыслов

Убийца отнимает у своей жертвы ее потенциальные возможности к свободному осуществлению своих замыслов и стремлений *на пути к акме*, то есть к физическому и духовному движению. О времени телесного духовного расцвета Платон специально писал в своем фундаментальном труде «Государство» [14, с. 236].

После Платона многие философы и ученые обращались к проблеме абсолютного отчуждения человека от другого человека, которое проявляется в жестком лишении жизни как физической, так и духовной.

Ярость – состояние, сильный гнев, лютость

В русском языке слово *ярость* имеет множество значений и смыслов. Согласно Вл. Далю, ярый – огненный, пылкий; сердитый, злой, лютый; горячий, запальчивый; крайне ретивый, рьяный («Муж ярый не благообразен»). Ярость, ярízна арх. – свойство, состояние, сильный гнев, озлобленье, лютость, зверство, неистовство; порыв силы бессмысленной, стихийной. Яростный, ярый, лютый, звероватый, неукротимый. Ярить – разъярять, горячить, кипятить, сердить, дразнить, злить, злобить, озлоблять, приводить в ярость. Ярывать – быть ярым; лютовать, свирепеть и свирепствовать, неистовствовать, забываясь и много других значений и смыслов [17, с. 679].

Отчуждение убийц всегда было возвращено негативными страстями и яростью

В. С. Мухина многие годы работает с осужденными прежде к смертной казни, а ныне помилованными и осужденными на пожизненное заключение. Она выявила, что отчуждение убийц всегда было возвращено негативными страстями и яростью к жертве как препятствию на пути к вожделенным предметам или деньгам, или желанием расправы над неугодным человеком.

Абсолютное отчуждение преступника

В. С. Мухина показала, что когда человек насильственно грабит и убивает другого человека – он лично отчужден от другого в высшей степени. Здесь можно говорить *об абсолютном отчуждении преступника*. В. С. Мухина писала: «Я считаю правильным представить перед всеми нами, человеками, крайние формы отчуждения. Когда человек насильственно грабит и убивает другого человека – он лично отчужден от дру-

того в высшей степени; когда общество выносит приговор убийце на смертную казнь или пожизненное заключение, то закон и судящие отчуждены от преступника в высшей степени <...> В обоих случаях я вижу *абсолют отчуждения* между людьми» [11, с. 29].

Отчуждение, возвращенное черными помыслами и страстями

В. С. Мухина показала, что отчуждение, возвращенное яростью, негодованием и страстями, искушает человека отказаться от своей позитивной душевной сущности, отказаться от человечности в себе. «Отчуждение, возвращенное черными помыслами и страстями в отношении к другим людям, искушает человека отречься от своей социальной сущности, отречься от каждого, кто предстает как препятствие к жаждаемой цели» [11, с. 28]. Искушение – всегда соблазн. Начиная с библейского Каина и по сей день люди ярясь, гневаясь, ненавидя, негодуя и завидуя другим пытаются уничтожить, извести, убить того, кто вызывает эти черные чувства.

Отчуждение обольщает человека фальшивым ощущением своей личной силы и свободы

Отчуждение в его низшем проявлении обольщает человека фальшивым ощущением своей личной силы, воли и свободы, ощущением вседозволенности и всемогущества, неадекватным чувством превосходства над другими людьми. Гордыня толкает человека к отчуждению и насилию над другим.

Мы полагаем, что будет правильным представить всем нам человекам многие варианты отчуждения друг от друга, когда в повседневной жизни мы жестко и резко обособляемся друг от друга в ярости, гневе, ненависти, зависти и в других тяжелых душевных недугах.

Гнев и ярость возмущают душу человека

Гнев и ярость – сильные чувства возмущающие душу человека. Гнев и ярость помрачают сознание человека, они вызывают функциональные изменения в телесной природе человека и разрушают баланс психических функций, делают человека готовым к аффективному срыву и нападению на другого человека. При этом у гневливого и яростного всегда готова мотивация самооправдания. Гнев и ярость могут быть свойственны многим людям в обыденной жизни. Это обычно люди невостребованные и невоспитанные.

Гнев и ярость столь выражено аффективны, что они нередко провоцируют человека на преступление необузданного гнева и помраченного, измененного сознания [11, с. 52].

Последствия необузданного гнева и ярости

Последствия необузданного гнева и ярости могут быть ужасны. Ненависть к ближнему вспыхивает у таких людей спонтанно, подчас по незначительному поводу. Короткий путь от ровного эмоционального состояния до негодования и помрачения сознания объ-

ясняется эмоциональной невоздержанностью, которая в мгновение ока нарастает до гнева, уничтожающей все агрессии, ярости.

Негодование – крайнее недовольство, возмущение. Вл. Даль объяснял негодование как состояние негодующего. Ф. М. Достоевский соединял негодование и ненависть [18, с. 281 – 282]. Негодовать – испытывать, проявлять чувство негодования по отношению к кому-либо. Негодование как чувство может быть праведным и неправедным. Негодующий по поводу оскорбленных чувств – праведен. Негодующий от яростных эмоций, безудержный и агрессивный человек неправеден.

Агрессия как деструктивные тенденции зла

К. Лоренц исследовал агрессию, относя ее ко злу [19]. Он изучал агрессию у животных и человека, полагая, что «главная опасность инстинкта состоит в его спонтанности» [20, с. 96]. В то же время исследователи писали о социальной психологии агрессии [21] и о зловещем очаровании насилия [22].

Помимо возможного конструктивного значения, агрессия несет в себе деструктивные тенденции: она разрушительна как для жертвы агрессии, так и для самого агрессора. Обычно преступники необузданного гнева, являясь преступниками по страсти, действуют под влиянием спонтанно возникающих гнева и ярости. В. С. Мухина писала: «Это весьма опасная категория асоциальных элементов, готовых в роковой момент внешних обстоятельств и собственных психических состояний на фоне помраченного сознания к агрессивному выпадку против человека. Волна необузданного гнева и ненависти к ближнему толкает такого асоциального типа к разрушению всех запретов, к преступанию за пределы социальных нормативов, к убийству. Такие преступники склонны обесценивать других людей, признавая их ничтожными, не людьми – *рака* или *безумными* <...>».

Типология криминальных психопатов

Преступники необузданного гнева – это часто так называемые *криминальные психопатические личности*. Они аморальны по своему складу, гневливы, яростны, необузданны. Их причисляют к *социопатам*, к тем, кто исповедует свободу насилия над другим человеком, вседозволенность» [11, с. 63].

Насильственные идеи преступного характера могут мучить человека, могут притягивать и завлекать его сознание. Здесь могут быть результаты асоциального склада сознания и личностных особенностей – социопатии.

Изучение документов и личные беседы с осужденными пожизненно дают основание говорить о том, что

Девиантное поведение, выходящее за пределы нормативно установленных правил

тяжелые преступники-убийцы в большей своей части в подростковом возрасте отличались выраженной девиантностью в поведении или переживали долговременный стресс из-за семейных отчужденных отношений.

Типология поведения девиантов проявляется в следующем. Как известно, девиантным принято считать поведение, выходящее за пределы нормативно установленных правил, закрепленных в конкретно сложившихся культурах. Девиантное поведение – *всегда грубое нарушение норм, всегда отчужденное отношение к другим людям*. Отчуждение от других – всегда отчуждение от себя.

Отдельно следует указать на тот факт, что не все девианты-подростки становятся грабителями и убийцами. Часть их остается на плаву в потоке человеческих отношений. Также не все дети из неблагополучных семей становятся преступниками.

Носители злой воли, эмоциональной холодности, бесчувственности и тупости

Как показали исследования осужденных пожизненно (изучение документов в спецотделе зоны, в которой помещена тюрьма для содержания пожизненно осужденных; изучение ответов на условия глубинного рефлексивного теста-самоотчета «Кто Я?», разработанного и апробированного автором [23, с. 116–117]; свободные доверительные беседы; анализ дневников и писем осужденных пожизненно; результаты, полученные рефлексивными методами и др.), они в подавляющем большинстве по сути своей – носители злой воли, эмоциональной холодности, бесчувственности и тупости. Такое оскудение чувств чаще всего является результатом образа жизни и сформированного типа внутренней позиции, который проявляется в разнообразных асоциальных формах (демонстративная гордыня, демонстративное пренебрежение к другому, хамство, демонстративная злая воля, готовность к мошенничеству и плутовству, а также к агрессивному нападению, грабежам и убийствам) [24].

Злая воля насилия

В свое время Г. В. Ф. Гегель писал о *злой воле насилия*. Он полагал, что человеку свойственна особая, злая воля, что «*есть в насилии проявляющаяся злая воля, совершающая преступление*» [6, с. 332]. Размышляя о связи воли, аффекта и поведения, философ пришел к выводу о том, что эти свойства и феномены взаимосвязаны.

Г. В. Ф. Гегель полагал: «Такой поступок, как нарушение права, в себе и для себя ничтожен. В качестве воли и мыслящего существа лицо, совершающее деяние, устанавливает в нем некоторый, однако формальный и лишь самим им признанный закон, нечто всеобщее, что лишь *для него* имеет значение и чему он в то же

время посредством своего поступка подчинил самого себя. Показанная здесь несостоятельность этого поступка, осуществление сразу и этого формального закона и права-в-себе, прежде всего некоторой *субъективной* единичной волей, есть *месть*, которая потому именно, что она исходит из интереса *непосредственной частной* личности, является в то же время новым нарушением права, *продолжающимся в бесконечность»* [6, с. 332]. За сим следует *наказание*.

«Сила осуществления права отрицает произведенное преступником отрицание права»

Нельзя не согласиться с тем, что «самоосуществление значимости права-в-себе опосредовано: а) тем, что особенная воля – судья – приурочена к праву и заинтересована в том, чтобы выступить против преступления..., и б) тем, что сила осуществления права отрицает произведенное преступником отрицание права» [6, с. 332 – 333]. Поскольку преступление как поступок касается непосредственно *наличного бытия*, постольку преступление, совершенное деятельностью субъекта, явилось *его делом*, стало его *умыслом*.

Пример униженного большинства

В свое время К. Маркс и Ф. Энгельс, анализируя проблемы рабочего класса в Англии, указывали на среду – *условия*, в которых жили рабочие в первой половине XIX века. Они указывали на тесные жилищные условия, когда в маленьких квартирах набит людьми каждый угол, когда в одной постели спят и больные и здоровые [25, с. 314]. Помимо жилищных условий они указывали на плохое питание, на отсутствие ухода – на это обречена громадная масса детей рабочих. Такие условия оставляют неизгладимые следы и ведут к вырождению. Были названы и другие факторы среды, ослабляющие физическое и нравственное здоровье: пьянство [25, с. 315] и блуд [25, с. 329]. Все условия, которые обсуждались исследователями «закопченной неудовлетворенной массы», неизбежно толкали большую часть рабочих в силу моральной и физической необходимости к пьянству [25, с. 316]. Помимо названных причин, толкающих к пьянству, оказывали свое действие и другие обстоятельства: «пример большинства, недостаточное воспитание, невозможность ограждать молодых людей от искушения, во многих случаях прямое влияние пьяниц-родителей, которые сами угощают детей вином, уверенность, что под влиянием спиртных паров забудешь хоть на несколько часов нужду и гнет жизни... Пьянство перестало здесь быть пороком, за который можно осуждать того, кто им заражен; оно становится необходимым явлением, неизбежным следствием определенных условий...» [25, с. 316].

Тайны одичания
среди цивилизации

Согласно К. Марксу и Ф. Энгельсу, развивающийся в Англии рабочий класс попадал в такие условия существования, что его никак нельзя было осудить за ту ненависть, которую он питал к господствующему классу.

Исследователи «тайны одичания среди цивилизации» и «тайны бесправия в государстве» писали: «Нравственное воспитание, которого рабочий не получает в школе, не прививается ему и прочими жизненными условиями, по крайней мере *то* нравственное воспитание, которое имеет какое-нибудь значение в глазах буржуазии. Все положение рабочего, вся окружающая его обстановка способствуют развитию в нем безнравственности. Он беден, жизнь не имеет для него никакой прелести, почти все наслаждения ему недоступны, кары закона ему больше не страшны; почему же он должен стеснять себя в своих желаниях, почему он должен давать богачу наслаждаться своим богатством, вместо того чтобы присвоить себе часть его? Какие могут быть основания у пролетария, чтобы *не* красть? Очень красиво звучит и очень приятно для слуха буржуазии, когда говорят о “святости частной собственности”. Но для того, кто не имеет никакой собственности, святость частной собственности исчезает сама собой» [25, с. 326]. И далее авторы указывали: «И тут мы не должны удивляться, если большинство предпочитает воровство голодной смерти или самоубийству» [25, с. 327].

Воровство,
бандитизм
и вандализм –
пороки цивилизации

Проходят столетия. Воровство, бандитизм и вандализм проявляют себя как пороки цивилизации и отдельных представителей рода человеческого.

Не только классовый антагонизм подталкивает эксплуатируемых и обездоленных к воровству и в целом к аморализму. В обществах формируется деклассированные слои, люмпены [нем. Lumpen – лохмотья]. Это умственно неполноценные элементы, живущие безнадзорно вне семьи и вне спецучреждений. Это разные категории лиц, выскользнувших из нормативов обыденной жизни.

Посещающие умы
и души
преступников злые
прилоги и помыслы

Здесь уместно вспомнить о посещающих умы и души преступников злых *прилогах* [11, с. 272, 390–393, 497, 499, 502, 508] и *помыслах* [11, с. 80, 95, 273, 344, 393, 500–502, 517, 519], которые волнуют их своими образами и побуждениями и которые подталкивают их к совершению преступлений.

Прилоги и помыслы
порождают умыслы

Умысел, преступление и наказание – путь человека в узы. Однако известно, что «тюремное заключение порождает рецидивизм» [26, с. 388]. М. Фуко писал: «У освободившихся из тюрьмы гораздо больше шансов туда

вернуться, чем у тех, кто не сидел» [26, с. 388]. Философ утверждал, что «вместо того чтобы выпускать на свободу исправленных индивидов, тюрьма распространяет в населении *опасных делинквентов*» [26, с. 389]. Это происходит от того образа жизни, который навязывается заключенным: здесь не думают о человеке в обществе, здесь грубо принуждают узников выполнять бесполезную работу, которой впоследствии не найдется применения, здесь злоупотребляют властью. М. Фуко выразил согласие с теми, кто говорил о чувстве несправедливости, которое переживают заключенные как одну из причин, способных сделать их характеры неукротимыми [26, с. 389].

«Монстр» – существо абсолютно нарушающее законы мира

М. Фуко провел также многогранное исследование нормы как биологического, психологического и морального феноменов. Он анализировал «монстра»* как существо абсолютно нарушающее законы природы и мира, а также представления о норме и ненормальном как субъекте, который не поддается нормативному воспитанию и не вписывается в нормативную систему социума [27].

Асоциально ориентированные субъекты (опасные делинквенты и социопаты, совершающие преступления) подвержены разрушительному влиянию своих поступков. Их личность изменяется вслед за каждым преступлением.

Механика аффектов у преступников

Чем тяжелее совершенное преступление, тем больше трансформируется личность преступника. А. Р. Лурия, изучая механику аффектов у преступников, пришел к выводу о том, что «чем тяжелее преступление... тем резче конфликт с обычными социальными установками, тем значительнее и актуальнее этот *первичный аффект преступления*» [28, с. 107]. Здесь следует, однако, уточнить следующее: как и все люди вообще, преступники обладают большими различиями и вариативностью эмоциональной сферы. Одни сензитивны к социальным ситуациям и к своим собственным переживаниям; они застревают на аффектах своих преступлений, на рефлексиях на других людей (судей, своих родственников, родственников своих жертв, людей, присутствующих в зале суда и др.) по поводу своих преступлений. Другие отличаются отчужденностью и эмоциональной тупостью: они холодны и непроницаемы. Третьи дают социопатические реакции на всех, кто рядом, и готовы к агрессивному нападению.

* *Монстр* – тот, кто выделяется своей необычностью. Здесь: нравственный, моральный урод.

Типология
эмоциональной
сферы преступника

Типология эмоциональной сферы преступников отличается асоциальным фоном реакций и выраженной вариативностью. Однако у убийц, действительно, по большей части можно наблюдать выраженный аффект.

Аффект может быть связан с самим преступлением, с ситуацией ареста, с ожиданием возможного наказания, с самим наказанием. В случае особо тяжких преступлений, когда преступника ждала смертная казнь (позднее – пожизненное осуждение), возникает вторичный аффект, который может достигать максимальной остроты.

Застывший стресс
или застывший
аффект

В результате многолетней работы с пожизненно осужденными мы пришли к выводу о том, что выраженный аффект, переживаемый по поводу убийства или осуждения и наказания, длится годами. По прошествии многих лет этот аффект явно трансформирует личность преступника так называемым *застывшим стрессом*, или *застывшим аффектом* [11, с. 169, 171, 181–182, 187, 230, 492].

Преступления, связанные с убийствами и дикими расправами, обычно совершают лица необузданные и гневливые, сознание которых готово к помрачению: сребролюбивые и вещелюбивые, гневливые, тщеславные и гордящиеся завистники, исповедующие вседозволенность и тем самым – аморализм. Эти асоциальные негативные качества преступников позволяют им преступать черту и отчужденно и яростно лишать жизни другого человека [29].

Все истории преступлений похожи одна на другую: алкогольное опьянение, помраченное сознание, необузданный гнев, убийство или серия убийств. «Помраченное сознание и необузданный гнев подчас не отделимы одно от другого» [24, с. 60]. В этом случае можно говорить о расстройстве личности.

Преступник живет
не только в мире
аморализма, но и
в мире
законопослушных
людей

Однако каждый преступник живет не только в мире аморализма и отчужденного отношения к другим людям. Он живет и в сфере окружающих его нормальных, в целом законопослушных людей, пытающихся соответствовать установившимся в конкретном обществе ценностям и общественным ожиданиям. Преступник как человек, тяготеющий к преступанию нормативных правил, реально никогда не может быть абсолютно психологически освобожден от общественных норм. Хотя злая воля и направлена на жертву своего ужасного стремления, но за свои разбои и убийства он платит тяжелыми аффективными состояниями, содействующими тому, что разбойник и убийца сам отчуждается от

самого себя [11, с. 262–265, 267, 271, 273, 315]. Он понимает, что *за такие злодеяния общество готово обособить его абсолютно – в высшей мере* (лишить жизни или определить ему пожизненную изоляцию) [11, с. 2, 9, 23, 29, 32, 107, 143, 166, 293, 397, 427, 528].

Сегодняшний пожизненно осужденный жил прежде на свободе, в городе или в деревне, среди людей разного уровня образования, разного уровня моральной и нравственной зрелости. Эти люди были неким условием его бытия: они демонстрировали свои ожидания. И когда человек превратил себя в убийцу, большинство людей из знакомого ему окружения продолжали жить в этом мире своей обыденной жизнью.

Семья как одно из условий развития и бытия человека

Безусловно, определенное значение для становления самосознания и поведения человека имеет семья.

Подавляющее большинство преступников выросло в неблагополучных семьях: родители пили и продолжают пить; они не имели желания создать уют домашнего очага; кто-то из семьи был надолго заключен под охрану в какую-либо зону, кто-то пил и блудил, забывая о своих семейных обязанностях. Родители преступников могут нести в себе личностные и поведенческие дефекты стиля отчуждения со своими родителями, дедами и бабушками, совершившими прежде тяжкие преступления. В семьях преступников из поколения в поколение передается отчужденный стиль общения, явно демонстрирующий отсутствие истинной любви, выраженную холодность и отчужденное безразличие. В этих семьях формируются новые поколения делинквентов, – агрессивных и постоянно обиженных.

Чувство постоянной обиды есть плебейское чувство

Н. А. Бердяев справедливо полагал, что «чувство постоянной обиды есть как раз плебейское чувство» [30, с. 433]. Многие из осужденных за страшные преступления не устают выражать свои чувства обиды на весь мир – это сущностная черта их сознания.

Все названные и другие, схожие по типу негативных взаимоотношений стили общения и родительские позиции по отношению к своим детям на всех этапах их взросления *могут стать средой-условием*, подталкивающим подростков из неблагополучной среды к *подражанию*, повторению родительского стиля в своей взрослой жизни.

Однако благодаря хорошему интеллекту, тонкой натуре и организованной воле иной подросток, а затем юноша может вырваться из уз асоциального способа жизни-существования. В этой борьбе за себя выстаивают сильнейшие.

Внутренняя позиция человека

В этом случае следует говорить о *внутренней позиции человека*. Анализируя феномен личности, В. С. Мухина писала: «Развитие личности определяется не только врожденными особенностями (если речь идет о здоровой психике) и не только социальными условиями, но и *внутренней позицией*» – возникающим у человека с детских лет определенным отношением к миру людей, к миру вещей и к самому себе [10, с. 537]. Внутренняя позиция определяется чувством личности [10, с. 739].

Чувство личности как стремление к индивидуализации

Понятие «*чувство личности*» было введено Н. А. Бердяевым для выражения своего отношения к давлению социальных условий и неудержимого стремления к индивидуализации. Философ в стремлении к самопознанию раскрывал свое отношение к первостихиям: «Я никогда не хотел раствориться ни в какой первостихии, стихии ли космической или стихии социального коллектива. Слишком велико у меня было *чувство личности* и *чувство свободы*» [31, с. 99]. К проблеме чувства личности философ обращался неоднократно в ряде своих работ [30, с. 433 – 434; 31, с. 433]. Н. А. Бердяев был убежден: «Жизнь человека в цивилизации имеет непреодолимую тенденцию к разложению, разращению, падению в пустоту» [31, с. 432]. Мы полагаем, что чувство личности и чувство свободы может быть амбивалентно по своей сути: оно может тяготеть как к высокому, духовному движению к акме, так и к сатанинской вседозволенности.

Вся античная культура была пронизана личностным началом

В исторически сложившихся условиях человек, будучи личностью, не должен плыть по течению социальных потоков, а должен взять на себя ответственность и, побуждаемый чувством личности, обязан сформировать для себя внутреннюю позицию по отношению к себе, к другим и миру в целом.

Известно, что вся античная культура была пронизана воспитанием в человеке личностного начала. *Основной метод воспитания – подражание идеальным образцам*: сначала мифологическим, затем мифологизированным историческим героям, а также подражание Учителю и Отцу.

А. Ф. Лосев писал о том, что вся античная культура была «пронизана личностным началом. О чем же другом говорят гомеровские поэмы, как не о героях? Но ведь герой – все-таки личность» [32, с. 44]. И далее А. Ф. Лосев рассуждал: «Что же такое личность не в широком и расплывчатом смысле слова, но в самом узком и специфическом смысле?»

Что она есть некоего рода *единичность* или единица, – кажется, ясно само по себе, поскольку обычно употребляемый здесь латинский термин *individuum* ничего другого и не значит, как именно "нераздельное", "неделимое"» [32, с. 45].

Свободный индивид способен к самоактуализации

Сегодня не вызывает сомнения понимание значения свободной воли: «Свободный индивид по-настоящему самоактуализируется, становится личностью, когда может следовать своим ценностным ориентациям и даже противопоставить себя роду» [10, с. 809]. О внутренней позиции человека и ее значении для развития личности В. С. Мухина писала и в работе, посвященной пожизненно осужденным за тяжкие преступления. Конкретно – о тех из них, которые были готовы переосмыслить свою жизнь и которые хотели бы укрепить в себе значимые для духовного роста личностные качества [11, с. 153, 196 – 197, 557].

Не каждому человеку удастся воспитать в себе Личность

Воспитание в себе личностного начала – неподъемная проблема для многих людей: необходимо выбрать для себя путь в жизни и упорно формировать в себе те качества, которые укрепят человека как личность, разумно контролирующую и выстраивающую себя; уметь противопоставлять себя условиям среды, не быть социально пассивным, не быть безличностью. «*Безличность* – характеристика индивида, не способного творить обстоятельства, несвободного, конформиста» [10, с. 830], зависимого от среды.

Среда нередко оказывается победительницей человека

Нередко даже те, кто сопротивляется давлению дефектной семейной традиции, не справляются со сформировавшимся у них застывшим стрессом от негативных, разрушающих личность влияний семьи. И в какой-то напряженный момент их собственной жизни дети непростых родителей взрывают все нормативы, все социальные запреты и неожиданно (даже для самих себя!) совершают страшнейшие преступления. *Среда нередко оказывается победительницей конкретного человека.*

Социальные отступники выходят из разных семей

Тяжелейшие социальные отступники выходят не только из неблагополучных семей. Мы рассматривали истории ужасающих падений людей из внешне благополучных семей. Их отцы и матери занимали высокие должности и имели завидные социальные статусы. Но выросшие дети, очевидно, комплексуя перед родительскими достижениями и одновременно имея высокие амбиции, гордыню и тщеславие, совершали тщательно продуманные, страшные преступления. Такие люди рассчитывают на то, что уж они-то никогда не попадутся, что они умнее, предусмотрительнее и коварнее всех.

Порочная внутренняя позиция определяет развитие негативных качеств человека

В этих случаях человек исходит из своей порочной внутренней позиции: тщеславные помыслы и гордыня порождают в нем зависть и ненависть к ближнему [24, с. 148 – 183]. Порочная внутренняя позиция определяет развитие негативных качеств человека.

Девиантные, асоциальные социопатические личности формируются в неблагоприятных социальных условиях, прежде всего в неблагополучных семьях. В этих семьях если не генетически, то по стереотипам жизни и поведения одно поколение за другим транслирует асоциальные формы поведения, неприемлемые для обыденной жизни людей. Там, где ребенка не учат думать, отвечать за себя, формировать для себя ценностную внутреннюю позицию, ориентирующую направление его жизненного пути, ему остается только подражать родителям – и человека ждет повторение сценария его предков.

Преступления приводят человека к личностному распаду

Преступления приводят человека к аффектам преступления, к личностному распаду, к деструктивному поведению. Они кардинально изменяют личностный потенциал человека.

Преступления, совершаемые людьми, надо рассматривать как порок цивилизации. Такова история человеческого рода. В процессе исторического развития реалий, которые создало человечество в своей истории (реалии предметного мира, природы, образно-знаковых систем, нормативного пространства), наряду с позитивными достижениями, поднимающими человека через поступки на духовные высоты, возникают условия, приводящие к негативным образованиям. Человек через проступки, низвергающие его в глубины ада выраженного социального отчуждения обществом [11, 26, 27, 29], низводится в тартар тяжелых разрушительных чувств.

Лишь некоторые приходят к раскаянию

В условиях пожизненного осуждения каждый преступник (в меру развития своего интеллекта и нравственной сферы) рано или поздно приходит к сожалению о своей злосчастной судьбе. Однако лишь некоторые реально раскаиваются о совершенных преступлениях. Большинство осужденных начинают думать, мечтать, грезить о том, что бы они сделали, окажись на свободе.

Через 10–15–20 лет существования в камере некоторые из совершивших страшные преступления начинают грезить о своих возможных добродетельных, благостных проявлениях там – на свободе. Многие из них заговаривают о детях, которым бы они помогли выбрать

правильную дорогу в жизни, давая правильные советы. Эти грезы, выражаемые в сослагательном наклонении, выражают желаемые возможные действия. Разве не вопрошал с сомнением Елифаз Феманитянин: «К чему порывает тебя сердце твое...?» [Иов. 15: 12].

Однако не стоит скептически вспоминать о том, что благие помыслы могут оказаться лишь порывами. Благие порывы могут быть искренни и продуктивны. Если есть возможность, можно и поддержать алчущих добрых дел.

Тем паче, что в условиях наказания многие из осужденных пожизненно пришли к Богу: они внимательно читают Библию, молятся, размышляют, ждут священника для исповеди и причащения.

Сознание преступивших закон может измениться в условиях строгой изоляции

Сознание преступивших закон может измениться в условиях строгой изоляцией. Конечно, это происходит далеко не со всеми осужденными пожизненно. Лишь некоторая их часть начинает выражать благие намерения.

Чрезвычайно важно, чтобы человеку, *сознание и душа которого повернулись к благим порывам*, была предоставлена возможность попытаться осуществить свои мечты. Важно дать оступившемуся человеку шанс проявить себя: постараться в меру своих интеллектуальных и душевных возможностей направить девиантного подростка на путь законопослушной, реально более свободной и перспективной жизни.

Помыслы в сердце человека – глубокие воды

Известен предупреждающий послов: «Благими порывами вымощена дорога в ад». В Библии сказано: «помыслы в сердце человека – глубокие воды» [Пр. 20: 5]. Конечно, не следует забывать о том, что все преступники когда-то находились во власти опасных прилогов и помыслов [11, с. 272, 390–393, 497, 499, 502, 508; 80, 95, 272, 344, 393, 500–502, 517, 519]: из сердца их «исходили злые помыслы убийства» [Мф. 15: 19]. Сегодня они живут в иных условиях и их посещают иные помыслы. Теперь они веруют или пытаются веровать в Бога. Читая Библию, они уповают на то, что «*Господь благий да простит каждого*» [2 Пар. 30: 19], что «*Бог благий и милосердный*» [Иона 4: 2]. Вслед за вразумляющими текстами Библии эти люди взывают: «Учитель благий! Что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную?» [Мф. 19: 16]. Те же слова повторены в Евангелии от Марка [Мк. 10 : 17]. Читающие со вниманием Библию и вникающие в тексты, их наставляющие, рано или поздно проникаются сознанием необходимости добрых дел. *Их благие помыслы несут в себе вероятность формирования позитивной внутренней позиции.*

Девианты
отличаются низким
уровнем рефлексии

Девианты отличаются низким уровнем рефлексии на себя: как правило, они не признают в себе асоциальные ориентации и асоциальное поведение. По существу многих из этих девиантов следует причислить к *социопатам* [11, с. 63, 65, 83–90, 93].

Девиантные подростки обычно вырастают в асоциальных семьях, где родители пьют, дерутся, бранятся, а если имеют работу, то подчас не требующую высокой квалификации. Девианты вырастают, прежде всего, в отчужденных семьях.

И сегодня в цивилизованных странах мы можем наблюдать воровство, убийства, махинации и прочие падения в тартар* не только неимущих, но и представителей бизнеса и различных политических партий, то есть людей, имеющих статус, образование и знания о приличии и о должностовании. Разница в преступлениях обездоленных и преуспевающих лишь в средствах и масштабах содеянного. В целом социопатам свойственен цинизм.

Цинизм –
бесстыдная
откровенность,
пренебрежительное
отношение к нормам
нравственности

Цинизм есть грубая бесстыдная откровенность, пренебрежительное отношение к нормам нравственности, к тому, что пользуется всеобщим признанием и уважением. Цинизм – исторически сложившееся глубоко асоциальное качество.

Идея влияния генотипа и среды безусловно верна. Но человек, уповающий на теории, объясняющие значение генотипа и среды (будь то современный теоретик или отдельный обыденный носитель знания о влиянии этих феноменов на его личную судьбу) обезоруживает себя как личность, способную выдержать себя и противостоять внешним обстоятельствам. Многие определяет внутренняя позиция.

Некоторые из пожизненно осужденных по истечении лет стали мечтать о помощи обездоленным подросткам. Эти светлые помыслы стали подавлять их прежнюю позицию циников. Однако условия прежней жизни насильственно давят над их душами.

К чему должны обращаться за советом осужденные, готовые помочь девиантным подросткам?

Учение о среде
доводит человека до
совершеннейшей
безличности

Глубоко поражает психологическое и философское мышление Ф. М. Достоевского, который дал нам пример честного и свободного суждения о влиянии на человека пресловутой идеи среды.

Ф. М. Достоевский, рассуждая о сущности среды и месте человека в ней, писал: «Делая человека ответ-

* *Тартар* – 1. В древнегреческой мифологии: царство мертвых. 2. Ад, преисподняя.

ственным, христианство тем самым признает и свободу его. Делая же человека зависящим от каждой ошибки в устройстве общественном, *учение о среде доводит человека до совершенной безличности*, до совершенного освобождения его от всякого нравственного личного долга, от всякой самостоятельности, доводит до мерзейшего рабства, какое только можно вообразить» (курсив наш – авторы) [33, с. 16]. Ф. М. Достоевский рассматривал среду как негативное провоцирующее условие страданий и дискомфорта человека-жертвы: «Ведь этак табаку человеку захочется, а денег нет – так убить другого, чтобы достать табаку. Помилуйте: развитому человеку, ощущающему сильнее неразвитого страдания от неудовлетворения своих потребностей, надо денег для удовлетворения их – так почему ему не убить неразвитого, если нельзя иначе денег достать?» [33, с. 16].

Идеи среды носятся в воздухе и воплощаются в образах художественных произведений

Проникая в суть явлений, Ф. М. Достоевский понимал, что *идеи среды «носятся в воздухе, в идее есть нечто пронизывающее...»* [33, с. 16].

Идеи влияния среды и свободы от среды Ф. М. Достоевский воплотил во многих своих произведениях. Так, например, писатель создал известный роман о преступлении человека, находившегося под гнетом среды. «В начале июля, в чрезвычайно жаркое время, под вечер, один молодой человек вышел из своей каморки, которую нанимал от жильцов в С-м переулке...» [34, с. 6]. Так началась история преступления студента Раскольникова – бедного развитого человека, обладающего интеллектом и ощущающего сильнее неразвитого страдания от неудовлетворения своих потребностей... В истории о братьях Карамазовых та же тема: «нельзя было ему (о Дмитрие – авторы) не убить, заеден средой...» [35, с. 27].

Стремление человека к духовным высотам и к адской пропасти

Сознание мыслителей, – философов, ученых, писателей, – бьется в стремлении постичь феноменологию человека в его стремлении к духовным высотам и к адской пропасти преступаний устоев нравственности и запредельных страстей.

Так сложилась история человечества, что мы можем найти множество указаний на романтизацию пороков. В мировой литературе, сказках и мифах существует множество историй о благородных разбойниках, о преступниках, которые помогали бедным. Личность преступника нередко оценивается как личность храброго и благородного человека. *Однако преступник – это, прежде всего, грабитель и убийца*. На последней странице своего творения о преступлении и наказании Ф. М. Досто-

евский написал об уже запертом в камеру Раскольникове. В этот вечер он не мог долго и постоянно о чем-нибудь думать, он только чувствовал... «Под подушкой его лежало Евангелие. Он взял его машинально <...> Он даже и не знал того, что новая жизнь не даром же ему достается, что ее надо еще дорого купить, заплатить за нее великим будущим подвигом...» [34, с. 422].

Благие помыслы
и надежды

Ф. М. Достоевский уповал на то, что наказание дает начало новой истории – истории постепенного обновления человека, постепенного перерождения его как постепенного перехода из одного мира в другой и знакомства с новой, доселе неведомой действительностью.

Благие помыслы и надежды иногда становятся воплощенными в жизнь... Некоторые из осужденных пожизненно, с которыми нам довелось работать, выражали готовность заплатить за свои преступления великим подвигом. Для них было органично мечтать о «пацанах», которые нуждались бы в их советах и в их дружбе.

Синкретическое
сознание и иллюзии
в свободе жизни

Что касается девиантных подростков, воспитывающихся в условиях учреждений интернатного типа, то асоциальная среда, в которой они обитали, живя со своими родственниками, в их сознании предстает как привычные условия существования.

Девиантные подростки, как и многие подростки вообще, имеют синкретическое сознание, в котором присутствуют иллюзии о свободе жизни в преступном мире, а также о личности преступника. Сегодня романтика криминальной жизни преподносится через фильмы, детективные романы и другие средства коммуникации.

Некоторые осужденные утверждают, что «нажива, воровство, убийства, наркотики, проституция и т.д. имеют свою привлекательность». Грабители, убийцы, воры пишут о привлекательности личной власти над другим человеком-жертвой, о привлекательности изощренной интриги ума, о сладости чувства превосходства, о могуществе воли без нравственности, о свободе без ответственности.

Один из убийц писал: «Криминальный мир дает власть и деньги. А это ключи ко всем остальным удовольствиям мира». Другой осужденный писал: «Красота криминального мира состоит в свободе без ответственности».

В насильственных
преступлениях
таятся
фиксированные идеи

Преступления, нарушения закона в основе своей знаменуют непонимание и неприятие ценности следования общечеловеческим нормативным ожиданиям. Многие из преступивших черту нормативных правил обнаружили зависимость от так называемых *фиксирован-*

ных (или вросших) идей, связанных с насильственными преступлениями [11, с. 256 - 263].

Среди осужденных есть достаточно выраженная категория, которая утверждает себя в своей преступной деятельности. Так, немалое число из их круга пишет в общественную организацию – «Центр содействия реформе уголовного правосудия». Они притязают на утверждение себя в общественном мнении, объясняют притягательность преступления. Обычно апеллируют, во-первых, к романтике криминальной жизни; во-вторых, к ощущению своей силы и власти над жертвой; в-третьих, к уверенности в безнаказанности; в-четвертых, к легкой наживе; в-пятых, к ощущению свободы воли без ответственности и др.

Возможность истории постепенного обновления сущности человека – весьма иллюзорна

Многие из преступников так и не вырастают в своем самосознании до начала новой своей возможной истории – истории постепенного обновления, перерождения и перехода из одного мира в другой. Возможность такого перерождения весьма иллюзорна... Во всяком случае – крайне редка.

И все же среди осужденных пожизненно есть те, кто за годы страданий в узах осознали ужас содеянного и стали взывать к Богу. Они испытывают муки отчаяния от безысходности своего положения, плачут о своей загубленной жизни, сожалеют о своих преступлениях.

Те, кто обладает интеллектом, кто достаточно образован, кто способен думать и чувствовать, кто способен критично рассмотреть свою страшную сущность убийцы, способны ужаснуться и начать новую историю своего перерождения. При этом надо понимать, что не все из притязующих могут измениться: одни из них реально могут постепенно перестроить себя; другие могут глубоко заблуждаться на свой счет; третьи понимают, что им не измениться ни по потенциальным возможностям, ни по спонтанному хотению, и никогда не изменят своей сути.

Авторы уповают на глубоко укоренившееся желание некоторых из них «выделаться в человека».

Сделаться человеком нельзя разом, надо выделаться в человека

Ф. М. Достоевский как истый философ и психолог постоянно размышлял о человеке, говоря, что он должен выделаться себя: «сделаться человеком нельзя разом, а надо выделаться в человека» (курсив наш – авторы) [36, с. 47]. Выделаться – значит приобрести путем специальных усилий желаемые качества. При этом тех, кто не знает дисциплины и кто не побуждается к тому, чтобы выделаться себя, он называл *недоделанными* людьми.

С развитием социального процесса улучшается или ухудшается природа человека?

В начале XX столетия П. А. Сорокин поставил вопрос о том, «улучшается или ухудшается природа человека с развитием социального процесса. Иначе говоря, исторический процесс – *прогресс*, то есть движение от худшего к лучшему, от низин к вершинам, или же это есть *регресс*, постепенный переход от лучшего к худшему?» [37, с. 484]. Вопрос этот до сих пор остается открытым. Обратившись к истории П. А. Сорокин пришел к выводу о том, что одни исследователи рассматривали исторический процесс как «шаг на месте», как вечное, бессмысленное, беспорядочное и монотонное круговращение (Экклезиаст, Дж. Вико, Ф. Ницше и др.). Другие утверждали, что природа человека постепенно ухудшалась, а настоящее и будущее есть только искание прошлого [37, с. 484].

Цинизм и хамство – результат всей истории человеческого рода

Во всяком случае цинизм и хамство как низкие человеческие качества появляются в процессе развития всей истории человеческого рода. Цинизм и хамство проявляются в бесстыдстве, наглой и грубой откровенности, в вызывающем, демонстративно презрительном отношении к общепринятым нормам нравственности и морали.

Цинизм неразрывно соединяется с хамством – грубостью, наглостью и беззастенчивостью. Хамство – всегда неуважение к другим и к себе самому. Хам всегда чувствует себя униженным. Хамство – психология раба, плебея, охлоса, холопа, лакея и тому подобных категорий людей. Хам – это не статусная характеристика человека, это состояние души, внутренняя позиция. Хам агрессивно противостоит культуре, он упивается своим хамством. Хам демонстрирует свободу от общечеловеческих ограничений.

Равнодушие – результат истории человеческого рода

Насыщение темными страстями ярости, цинизма и хамства может привести к циничной демонстрации *равнодушия* – еще одной стороне этих жестоких проявлений негативных общечеловеческих и личностных качеств отдельного человека. Равнодушный – несоциализированный асоциальный квазичеловек.

Пороки культуры складываются в условиях попирающих права и обязанности

Исследуя историю, социально-психологические процессы и современных людей в их разнообразных проявлениях, мы уверены в том, что наряду с прогрессом культуры, духовности человечества развивается и противоположная, амбивалентная его сторона: усугубление пороков человечества происходит в недрах культуры и представляет собой *порок культуры и порок каждого отдельного человека* [29]. Пороки культуры складываются в условиях попирающих сложившиеся в истории обязанности и права.

Истинная культура
начинается с
обязанностей и прав

Культура начинается с обязанностей и прав, запретов и послушания, тонких социально-психологических рефлексий на себя и других. Культура порождает в человеке такие свойства как интеллигентность.

*Интеллигентность** – психологическое свойство, высокий уровень развития интеллекта, образованность, высокая культура ценностных ориентаций, показывающих наличие совести и нравственности, культура взаимоотношений с другими людьми. Интеллигентность есть проявление в человеке духовной стороны культуры, в которой помимо интеллекта, образованности проявляет себя нравственный аспект личности. Интеллигенты обладают душевной чуткостью, они, – по словам Н. В. Гоголя, – видят то, что не зрят равнодушные очи.

1. *Даль Вл.* Сознание // Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – Т. IV. Р – V. – М., 1982. – С. 261.

2. *Лекторский В.А.* Сознание // Новая философская энциклопедия: В 4-х т. – Т. 3. – М., 2010. – С. 589.

3. *Аристотель.* Никомахова этика: Соч.: В 4-х т. – Т. 4. – М., 1984.

4. *Локк Дж.* Опыт о человеческом размышлении: Избр. философ. произв. – Т. 1. – М., 1960.

5. *Кант И.* Критика чистого разума: Собр. соч. в 8-и т. – Т. 3. – М., 1994.

6. *Гегель Г.В.Ф.* Философия духа: Энциклопедия философских наук: В 3-х т. – Т. 3. – М., 1977.

7. *Гуссерль Э.* Логические исследования. Исследования по феноменологии и теории познания. – М., 2001.

8. *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир: Проблемы общей психологии: 2-е изд. – М., 1976.

9. *Яннарас Хр.* Вера церкви: Введение в православное богословие. – М., 1992.

10. *Мухина В.С.* Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационный аспекты): 2-е изд., исправл. и доп. – М., 2010.

11. *Мухина В.С.* Отчужденные: Абсолют отчуждения: 2-е изд. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2010.

12. *Хвостов А.А.* Моральное сознание личности: структура, генезис, детерминаты. – М., 2005.

* *Интеллигентность* [лат. intelligens, intelligentis – знающий, понимающий, разумный] – уровень социального развития.

13. Мухина В.С. Личность // 50/50. Опыт словаря нового мышления. – М., 1989. – С. 115–119.
14. Платон. Государство: Собр. соч. в 4-х т. – Т. 3. – М., 1994.
15. Платон. Законы: Собр. соч. в 4-х т. – Т. 4. – М., 1994.
16. Сочинения платоновской школы // Платон: Собр. соч. в 4-х т. – Т. 4. – М., 1994.
17. Даль Вл. Ярость // Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – Т. 4. – М., 1982.
18. Достоевский Ф.М. Маленький герой: Полн. собр. соч. в 30-и т. – Т. 2. Повести и рассказы 1848 – 1859. – Л., 1972.
19. Лоренц К. Агрессия (Так называемое зло). – М., 1994.
20. Лоренц К. Обратная сторона зеркала. – М., 1998.
21. Крейхи Б. Социальная психология агрессии. – СПб., 2003.
22. Гуггенбюль А. Зловещее очарование насилия. – СПб., 2000.
23. Мухина В.С. Рефлексивный тест-самоотчет «Кто Я?» <...> // Развитие личности. – 2008. – № 4. – С. 116–129.
24. Мухина В.С., Хвостов А.А. Отчуждение от других: Мошенники и плуты, насильники и убийцы // Развитие личности. – 2011. – № 4. – С. 17–40; *то же* (продолжение). Там же. – 2012. – № 1. – С. 208–225.
25. Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство, или критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании // Избр. соч.: В 9-и т. – Т. 1. – М., 1984.
26. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы: Пер. с франц. – М., 1999.
27. Фуко М. Ненормальные: Курс лекций прочитанный в Колледже де Франс в 1974–1975 учебном году: Пер. с франц. – СПб., 2004.
28. Лурия А.Р. Природа человеческих конфликтов: Объективное изучение дезорганизации поведения человека. – М., 2002.
29. Мухина В.С., Хвостов А.А. Отчуждение от себя: О саморазрушающих страстях человеческих. – М., 2011.
30. Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. – М., 2011.
31. Бердяев Н.А. Самопознание. – М., 1990.
32. Лосев А.Ф. Античная философия и общественно-исторические формации // Античность как тип культуры. – М., 1988.

33. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1873. // Полн. собр. соч.: В 30-и т. – Т. 21. – Л., 1980.

34. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Полн. собр. соч.: В 30-и т. – Т. 6. – Л., 1973.

35. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Кн. XI–XII. Эпилог // Полн. собр. соч.: В 30-и т. – Т. 15. – Л., 1976.

36. Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1877 год. Январь – Август. // Полн. собр. соч.: В 30-и т. – Т. 25. – Л., 1983.

37. Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. – М., 2006.

